

Я: конфигурации артефакта¹

В.А. Петровский

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
petrowskiy@mail.ru

Впервые обсуждается вопрос о Я как искусственно-естественном образовании («артефакте»), имеющем проблемный семиотический статус. Охарактеризованы два способа семиотической трактовки Я. В первом случае Я обнаруживает в себе черты «знаковых аномалий»; таковы фигуры невозможного, знаки-эскизы (бесконечный регресс), знаки, подменяющие обозначаемое (логические круги); рассмотрены некоторые формы дезадаптаций личности как следствие знаковых аномалий в осмыслении собственного Я. Во втором случае — Я конфигурировано реальными знаками, образующими архитектуру Я в динамике его становления. Вводится представление о «знаке себя», ближайшим примером которого является «ощущение» (последнее раскрывается в терминах самопричинности сущего — материальной, формальной, действенной и целевой «причины себя»); в этом контексте вводится представление о сообщенных и среди них особо подчеркнута значение «дейксисов» (персональных местоимений), играющих важную роль в определении Я. «Знаки себя» вместе с другими понятиями семиотики Я («знаки-индексы», «знаки-символы», «внезнаковое») образуют основу Я в многообразии его форм. Описаны четыре преемственных формы Я: Номенальное Я («Я-имя»), Феноменальное Я («Моё»), Когитальное Я («Я сам»), Трансгрессивное Я («Свое другое Я»), в целом образующие круг Ноуменального (истинно сущего, совершенного) Я. Намечены гипотетические механизмы «участности» Я в бытии — контуры «психофизики Я».

Ключевые слова: Я, артефакт, знаковые аномалии, ощущение, сообщенное, самопричинность, семиотика Я, Номинальное Я, Феноменальное Я, Когитальное Я, Трансгрессивное Я, Ноуменальное Я, психофизика Я.

Посвящается Владимиру Петровичу Зинченко, автору статьи «Живые метафоры смысла».

Данная работа — опыт ответа на вопрос: чем является наше Я в качестве артефакта? Сама постановка этого вопроса, как представляется автору, — плоть от плоти идей Л.С. Выготского о существовании естественно-искусственных образований в психике. Выготский писал: «Искусственные (инструментальные) акты не следует представлять себе как сверхъестественные или надъестественные, строящиеся по каким-то новым, особым законам. Искусственные акты суть те же естественные, они могут быть без остатка, до самого конца разло-

жены и сведены к этим последним, как любая машина (или техническое орудие) может быть без остатка разложена на систему естественных сил и процессов.

Искусственной является комбинация (конструкция) и направленность, замещение и использование этих естественных процессов» [7, с. 103–108].

Основываясь на этой идее, подойдем к трактовке «Я». Но подойдем постепенно, не сразу. В дискурс об «искусственно-естественном» включим новое для данного дискурса слово — «артефакт».

Для цитаты:

Петровский В.А. Я: конфигурации артефакта // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 63–78.

For references

Petrovsky V.A. Self: The Configuration of Artifact. Kul'turno-istoricheskaja psikhologija [Cultural-historical psychology], 2014. no. 1. P. 63–78.

¹ Автор отчасти сохраняет устную форму подготовленного им пленарного доклада на XIV международных чтениях памяти Л.С. Выготского «Психология сознания: истоки и перспективы изучения» (12–16 ноября 2013 г. на базе института психологии им Л.С. Выготского. Российского государственного гуманитарного университета, Москва). К вопросу об артефактах: устный доклад не состоялся — рукопись публикуется (примеч. автора).

Это еще не ставшее вполне русским слово, как иногда бывает с иноязычными пришельцами, имеет в современном русском не одно, а несколько толкований (оставляя нам известную свободу выбора в расшифровке смысла). Я перечислю некоторые понимания, уже «прописанные» в словарях.

Артефакт:

- явление, процесс, предмет, свойство предмета или процесса, появление которого в наблюдаемых условиях по естественным причинам невозможно или маловероятно;
- любое творение человеческих рук, будь то сооружение, орудие труда, произведение искусства, жилище, сосуд или иной объект;
- феномен или эффект, привнесенный в эксперимент исследователем [4].

Смысл, который я придаю многозначному слову «артефакт», состоит в том, что это нечто искусственное, выдающее себя за что-то естественное, как бы присущее природе вещей, но таковым не являющееся. В этой связи примечателен смысл слова «артефакт» в археологии: «термин применяется только в случаях решения альтернативы происхождения предмета между объектами природного происхождения и объектами, выполненными человеком. При доказательстве изготовления предмета человеком, предмет признаётся артефактом» [3].

Не только обыденное, но и профессиональное сознание философов и психологов нередко приписывает нашему Я статус от века присущей человеческой психике данности. Таковы идеи существования «трансцендентального Я» (И. Кант), «принадлежности субъекту (“нам”) как первой характерной особенности всего психического» (С.Л. Рубинштейн), «роста личности изнутри» (К. Роджерс) и т. д. и т. п. Свидетельства поэтического сознания — о том же: «Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду...» (А. Тарковский).

И, тем не менее, автор этого сообщения принимает за точку отсчета то, что «Я» — артефакт, «знаковое образование», не отделимое от языка культуры, присутствующее в слове, присваиваемое и используемое из поколения в поколение носителями языка. Проблема же в том, чем именно является это знаковое образование?

Уже в первой посылке — вопрос: почему бы не сказать о нем сразу «знак» или, скажем, «символ»? Почему тут говорится — «знаковое образование»? И далее, **что** здесь означает, и есть ли здесь что-то, что может «означиваться» (а вдруг и «означиваться» здесь особенно нечему)? Мы сталкиваемся с вопросами, которые, пожалуй, могли бы лишиться сна исследователей, если только они не склонны отмахиваться от парадоксов и несообразностей, связанных с идеей «Я».

Начнем с того, что «Я» — не есть знак, или по крайней мере есть то, что не является стандартным знаком: ведь если бы это был просто «знак», мы не могли бы его изобразить так, как требует того Соссюр: в виде означающего вкупе с означаемым (рис. 1); и, кроме того, мы не могли бы прибегнуть тут к символике Пирса и Морриса, помещая этот знак в треугольник Огдена-Ричардсона (рис. 2).

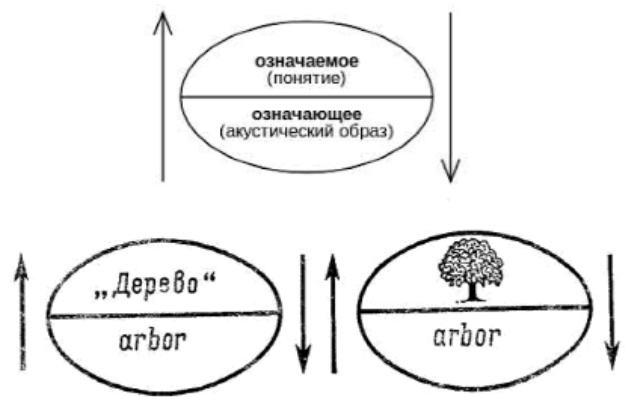

Рис. 1. Знак в семиологии Ф. Соссюра

Рис. 2. Знак в семиотике Пирса и Морриса: треугольник Огдена-Ричардсона: вершина X — символ (слово в качестве означающего); Y — понятие (мыслительный конструкт, символизируемый словом); Z — референт (внешний объект, с которым соотносится понятие)

В самом деле: не существует Я без имени «я». Поэтому *означающее* в модели Соссюра должно включать в себя *означаемое*. Точно также, в семиотическом треугольнике на рис. 2, *знак X* (слово «я») выражает смысловое значение Y (понятие Я), неотчуждаемое от слова, указывающего на него, и при этом существование референта Z (денотата) проблематично.

Итак, с учетом специфики Я мы используем идею «знаковости» в более широком плане, чем общепринятый, говоря о «знаковых образованиях» вообще, включающих в себя знаки, но знаками не всегда являющимися.

Поскольку «Я» для нас — артефакт, далее рассмотрим знаковые образования, лежащие в основе осмысления, или, точнее сказать, полагания Я как «искусственно-естественного» образования. Таким образом, мы затрагиваем интересы *семиотики Я*, — особого раздела общей персонологии, содержащего в себе исследование знаковых систем как инструмента познания и построения Я [16]; [17]; [19].

Знаковые образования в контексте семиотики Я могут быть разделены на два больших класса:

- знаковые аномалии;
- реальные знаки.

Выделяя классы и подклассы знаковых образований, охарактеризуем некоторые семиотические модели Я, противоположные по способу своего построения. В первой части статьи рассмотрим знаковые аномалии и адекватные им модели Я, препятствующие его осмыслению (мы бы сказали, знаковые модели мнимого Я). Во второй части — предложим психолого-семиотическую модель, позволяющую раскрыть Я

как искусственно-естественное образование, разумное в своей основе, и, следовательно реализуемое.

Знаковые аномалии в семиотике Я

Знаковые аномалии — это сочетание знаков, воспринимаемое как знак, непосредственно и безусловно свидетельствующий о наличии объекта, на которые он якобы указывает, в то время как существование такого объекта проблематично, сомнительно или исключено; относительно таких знаковых сочетаний, воспринимаемых как знак, нельзя утверждать, что им предшествуют и им соответствуют, как если бы это был настоящий знак, реальный объект.

Знаковые аномалии (будем говорить также — «псевдознаки») представляют собой один из способов метафорической интерпретации Я как психологического феномена. Выделяем три группы знаковых аномалий:

- знаки невозможного;
- знаки-эскизы обозначаемого;
- знаки, подменяющие обозначаемое.

Конкретные примеры таких псевдознаков, это, соответственно, — фигуры невозможного, знаковые воплощения дурной бесконечности, знаки порочного круга в определении объектов.

Наше Я порою является нам в этом причудливом облике.

Фигуры невозможного. Перед нами одна из разновидностей знаков невозможного — *визуально невозможные построения*. Оскар Рутерсвард, классик конструирования *геометрических* фигур невозможного (рис. 3а), характеризуя множество построенных им самим фигур (а их тысячи!), пишет, что среди них можно было выделить два вида: *истинные невозможные фигуры* и — *ненастоящие; истинные невозможные фигуры* не могут составить единое целое в логическом и качественном пространстве; они не могут производиться компьютерами, которые выполняют только задания с логической структурой [21]. Ис-

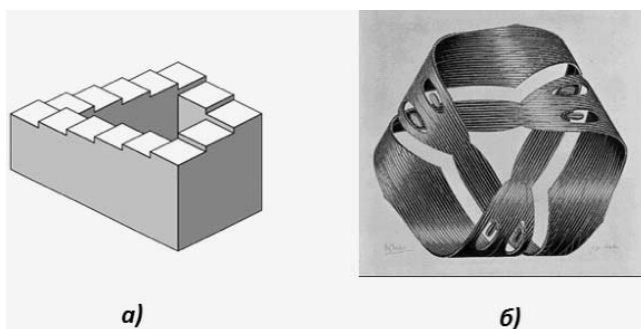

Рис 3. Истинные и ненастоящие невозможные фигуры: а) — лестница Пенроуза: «АКСИОМА САМОИСКА» или 13 ШАГОВ САМОПОЗНАНИЯ; б) — М. Эшер. Лист Мебиуса: ВСЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

тинные фигуры невозможного (например, бесконечная лестница Пенроуза, рис. 3а) не существуют ни в каком пространстве. В отличие от них, *ненастоящие невозможные* фигуры, напротив, имеют некоторое логическое и реалистическое строение, например, пояс (лента) Мебиуса (рис. 3б).

Представим себе человека на лестнице Пенроуза. Продвижение «вверх» (= «вниз») по этой лестнице — метафора замешательства нашего Я, пытающегося постичь себя. Временами нам кажется, что познавая себя, мы поднимаемся «над собой». Но это — убедитесь! — самообман. «Я» как познаваемая реальность — это иллюзия, с которой мы пытаемся справиться, но не можем. Поэт Андрей Вознесенский открыл поразительный перевертыш: «аксиома самоиска» (прочитайте фразу справа налево!). Представим себе, что каждый шаг в самопознании на лестнице Пенроуза (каждый подъем на ступеньку «выше») — одна из 15 букв перевертыша.

Риторический вопрос: «К чему придем, следуя аксиоме?!»

Сам факт существования истинных фигур невозможного, затрагивая семиотику Я, позволяет нам думать о своем Я как исчезающей реальности. Оказывается, такое возможно: «быть» и тут же «не быть». Достаточно просто присмотреться к себе. Назовем одно из таких смущающих ум открытий феноменом интолерантности Я к рефлексии (психологи встречали нечто подобное, размышляя о памяти, сознании, личности). Суть феномена: пока мы не спрашиваем себя, что есть «Я», мы знаем ответ; но стоит задуматься над ответом — и Я ускользает.

По аналогии с геометрическими фигурами невозможного можно описать все более расширяющийся в наши дни пул «субъектных» фигур невозможного (рисующие себя руки; человек, созерцающий свою спину в зеркало; кукла-марионетка, управляющая ниточками, за которые сама себя дергает, и т. п.). Встречаются невозможные высказывания (например, *небылицы*), описание невозможных поступков (абсурд), чертежи невозможных машин (очередной вариант «вечного двигателя»), знаки невозможного сочетания вещей и положений (комические объекты, контр-знаки²).

Некоторые *вербальные* фигуры невозможного (позволим себе этот термин!) давно уже получили прописку в культуре. Одна из таких классических фигур — «Рыжий человек» Даниила Хармса. Напомним: «Жил один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было. У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было! Так что непонятно, о ком идёт речь. Уж лучше мы о нём не будем больше гово-

² Понятие «контр-знак» (знак-разрушитель знаков) ввела исследователь комического М.В. Бороденко [5, с. 253–254]. Бессмысленно искать смысл там, где поработал контр-знак... Человек — это множество смыслов, множество помыслов, множество осмысленных, хотя и не всегда помысленных импульсов, пронизывающих его бытие, поведение, переживания, множество сосуществующих посланий, одни из которых стирают другие.

ритель³. Мы можем ощутить Я «Рыжего человека», но мы не можем изобразить его как носителя своего Я (хотя «рыжина» перед глазами промелькивает и исчезает, как хвост лисы, оставляя после себя неуловимый след...⁴). А если бы смогли это изобразить, то, очевидно, мы бы получили истинную фигуру невозможного (знак, обозначающий свое собственное исчезновение — см. рис. 15).

Наше естественное любопытство побуждает спросить: где обитают истинные фигуры невозможного? На этот вопрос мы бы ответили, что они присутствуют в поле переживаний. Ведь поле переживаний шире, чем поле мысли, — мы писали об этом [14]. Переживания — субстанция алогичная, и может быть, в силу этого, как в детской игре, где все может стать всем, наше Я столь пластично, являясь универсальным трансформером.

Знаковые воплощения «дурной бесконечности». Таковы знаки-эскизы обозначаемого. Мы называем их так, потому что они подобны бесконечному ряду набросков будущей картины без всякой надежды дорисовать ее до конца. Это — знаковые воплощения дурной бесконечности, то есть фигуры, содержащие в себе маркер *незавершимости* качественно однородных, не заключающих в себе какой-либо новизны построений (к примеру, ничем не ограниченного нахождения оснований или следствий чего-либо). Три хорошо узнаваемых маркера (знака-указателя) незавершимости: знак предела в математическом выражении, например:

$$\lim_{n \rightarrow \infty} \left(1 + \frac{1}{n}\right)^n;$$

сокращения в конце фразы «и т. д. и т. п. (до бесконечности)»; многоточие «...» в конце последовательности знаков.

Знаки-эскизы, выражающие регресс в «дурную бесконечность», критически часто встречаются на нашем пути, когда мы размышляем о Я [16]; [17] (рис. 4).

Я (СУБЪЕКТ):

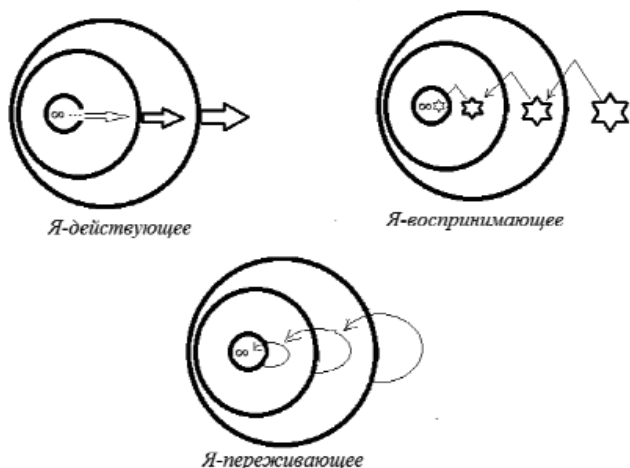

Рис. 4. Схемы Я (регресс в дурную бесконечность)

³ Здесь, как нам кажется, есть переключка с его же — Хармса — значительно менее известным высказыванием о несоответствии знака и денотата применительно к личности (хотя он описывал это в других терминах). Хармс говорил о цифрах, что они не похожи на то, что они изображают (исключение — цифра 1, а мы бы добавили — 0). Цифра 2 и цифра 3 не похожи на число 2 и число 3. Так и человек, говорил Хармс. Он не похож на того, в ком он, его облик и его суть не одно и то же.

⁴ Имея дело с «чистым Я» Р. Ассаджиоли [2], мы могли бы обратиться к ненастоящим (условным) фигурам невозможного, позволяющим выразить и направить движение рефлексии к такому Я, которое совершенно свободно от какого-либо эмпирического содержания (мы еще вернемся к этому, рассмотрев, как это «выглядит», говоря о *Когитальном Я*).

Приведенные здесь схемы — абстрактны. Между тем, в современной культуре существует множество визуальных метафор — «метафор смысла» (В.П. Зинченко [8]), — позволяющих не только понять, но и прочувствовать, что значит «бесконечный регресс» (рис. 5–8):

Рис. 5. Я-действующее. Изображение из серии «Бесконечная картинка»: [Электронный ресурс] // URL: [https://encrypted-tbn3.gstatic.com/images?q=tbn: ANd9GcRW51pSGhiORjAWtse0Cnzfa48QN7_2HwkF3WQiNxRezgfCwzX](https://encrypted-tbn3.gstatic.com/images?q=tbn:ANd9GcRW51pSGhiORjAWtse0Cnzfa48QN7_2HwkF3WQiNxRezgfCwzX) (дата обращения 02.02.2014)

Рис. 6. Я-воспринимающее. Изображение из серии «Оптические иллюзии. Невозможные фигуры»: [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kcnlp.com.ua/illusions/nevozmozno/recursiv.jpg> (дата обращения 02.02.2014)

Рис. 7. Я-переживающее. До Но Сух. «Карма» (Новый Орлеан, штат Луизиана). Символ погружения в себя. У зрителя создается впечатление бесконечности скульптуры из-за необычной фрактальной формы

Неужто в понимании **Я** мы обречены провалиться в дали дурной бесконечности?! (см. рис. 8):

Рис. 8. Приглашение в Никуда? Изображение из серии «Завораживающие обои (Unique Wallpapers)» ALLDAY: [Электронный ресурс] // URL: http://i.allday.ru/uploads/posts/2009-06/thumbs/1244201127_unique-wallpapers-series-art-special-13.jpg (дата обращения 02.02.2014)

Знаки порочного круга. Это знаки, не столько указывающие на объект, сколько подменяющие его собой, что создает видимость определения объекта. В формальной логике им соответствуют ошибка «circulus in definiendo» (круга в определении), при которых дефиниция предмета скрыто включает в себя предмет, остающийся без определения. Иногда порочный круг описывается следующим образом: это — «логическая ошибка или уловка, при которой утверждение выводится из самого себя, обычно через несколько промежуточных утверждений» [20].

Один из примеров ошибки круга в определениях в знаковой форме может быть зарисован с использованием символа «опора» (« \hookrightarrow »):

$$A \hookrightarrow (B \hookrightarrow (C \hookrightarrow \dots (W \hookrightarrow A) \dots))$$

Здесь определяемый термин *A* опирается на себя самого в хвосте длинного ряда определений (знаковые вариации ошибки circulus in definiendo, конечно, неисчислимы).

Так, пытаясь дать дефиницию «Я», многие авторы упускают из виду, что определения, привлекаемые для определения термина, в свою очередь сами на него опираются. Перед нами типичная ошибка, что на компьютерном языке обозначается как «ссылка на себя».

Применительно к интересующему нас понятию читаем: «Я — фундаментальная категория философских концепций личности, выражающая рефлексивно осознанную самоидентичность индивида» [24, с. 1249] (подразумевается «кто-то», кто рефлексивирует; правомерен вопрос: не «я» ли рефлексивирую?!). Примеры прямого и косвенного

использования «я» в определении Я неисчислимы. Вот лишь некоторые: «самосознание», «самооценка», «самоуважение», «субъективные представления человека о себе», etc (см. обзор существующих определений Я в широкой по охвату и интересной по содержащимся в ней идеям книге А.В. Карпова [11, с. 131–151]). Ощущение «странности» ситуации усиливается, когда мы встречаемся с дефинициями «Я», где фигурируют такие слова, как «индивидуальность», «самость», «личность», «субъект», «самосознание», очевидно, связанные с Я вербальными скрепами; при этом само «Я», в гуще подменяющих его синонимов-переименований, ни в коей мере не раскрывает нам своей природы.

Рассмотрим другие знаковые образования, лишённые, может быть, ореола парадоксальности, однако приближающие нас к постижению (и конструированию) Я.

Реальное Я: четыре знаковых формы

В этом разделе мы рассмотрим несколько преемственных форм реального Я (*Я-имя, Мое, Я сам, Свое другое Я*), образующих в целом круг порождения *Ноуменального (т. е. истинно сущего) Я* (рис. 9).

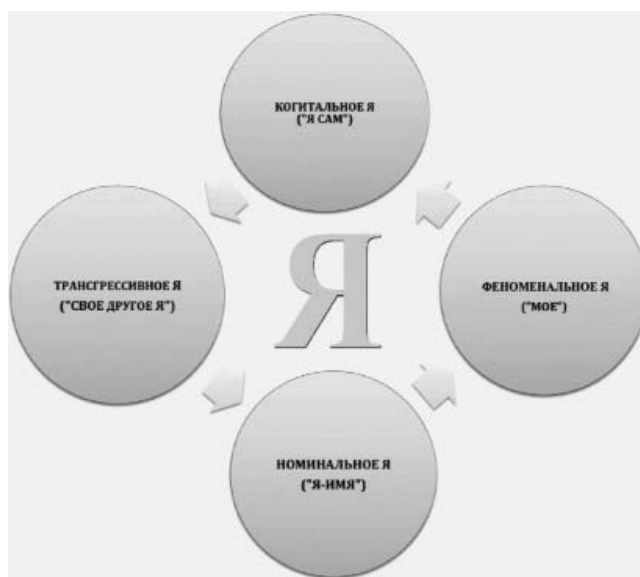

Рис. 9. Ноуменальное Я. Четыре формы Я, образующие контур большого круга, соответствуют малым кругам — четырем знаковым образованиям семиотики Я. Малые круги — это «знаки себя» (кружок внизу, «Я-имя»); «знаки-индексы» («Моё»); «иконические знаки» («Я сам»); «внезнаковое» («Свое другое Я»). Большой круг является «знаком иного, чем знак», символизируя ноуменальное (истинно сущее) Я. Оно обозначено в виде большой буквы Я и расположено в центре «большого круга»

В основе каждой из этих форм — особые знаковые образования: *на знаки себя («иконические знаки» себя), знаки-признаки («знаки-индексы»), знаки знаков (ординарные знаки), знаки иного, чем знак (символы),*

внезаковое⁵. Каждое из указанных знаковых образований рассматривается нами в процессе мысленной реконструкции преемственных форм порождения **Я** (буква, крупнее других, набранная жирным прямым шрифтом, символизирует *Ноуменальное Я*).

1. Я-имя. Это — базовая форма Я. С нее начинается и ею увенчивается становление *Ноуменального Я*. Все формы Я, начиная с *Я-имени*, основаны на *ощущениях*.

Ощущения, пожалуй, самый трудный для осмысления элемент семиотики Я. Они представляют собой то, что ранее было названо «знаком себя». Это — означающие ничем не отличающихся от них означаемых. Сказать, что ощущения «отражают» что-то помимо себя, нельзя. Нет никакой «вещи в себе», которая бы была «отражена» в этих ощущениях. Ни агностицизм, ни блаженной памяти теория отражения здесь «не работают». Ощущение есть то же самое, что ощущаемое (они различается только порядком их рассмотрения в процессе анализа).

Трактуя «ощущения» как знаки себя, мы не рискуем впасть в ошибку порочного круга. «Круга» в определении здесь нет, так как, в сущности, нет и *определения*, провоцирующего ошибку подобного рода. Мы используем здесь *остенсивное* определение: через указание — «вот» (и далее говорим о данностях, которые могут быть исследованы феноменологически).

Соответственно, *ощущаемое* есть знаковый *прообраз* себя: такое сущее, о котором мы смогли бы сказать, что оно находит эксклюзивную форму своего существования в ощущении.

Вспомним, в этой связи, аристотелевское учение о «Четырех причинах»: материальной — «то, из чего»; формальной — «то, в чем»; действующей — «то, посредством чего»; целевой — «то, для чего». Введем новый конструкт: *самопричинность* сущего (понимая под *причинами* не «какие-нибудь», а именно *аристотелевские* четыре причины. В таком случае *ощущаемое* можно определить как особое сущее, характери-

зуемое *полнотой самопричинности*: будучи ощущаемым, оно (сущее) *составляет себя* (=сливается с собой, являясь материальной причиной), содержится в себе (=принадлежит себе, являясь формальной причиной), *полагает себя* (=воплощается в себе, являясь действующей причиной), *длится в себе* (=продолжает себя, являясь целевой причиной) (рис. 10). *Ощущение* есть способ существования такого сущего (В.А. Петровский [19]). Именно в этом смысле мы говорим, что ощущения суть знаки самих себя.

Ощущаемые, конечно, не выступают «по отдельности». Они всегда в со-бытии друг с другом. Они не парят в пустоте. Холодное сочетается с твердым, белым, влажным — когда это лед; мягкое, ароматное, вкусное, оранжевое сочетаются друг с другом — когда это апельсин. Нам не следует уступать давней привычке искать что-то «под» этими чувственными элементами.

Важно подчеркнуть: ощущения первоначально (а многие и пожизненно) существуют до и независимо от Я — это *ничьи* ощущения. Ведь только при этом условии можно мыслить Я как сотканное из ощущений, основанное на них. Из этих — ничьих — ощущений может рождаться «не-Я», а также «Я другого», диалоги «Мое Я» — «Мое Ты», сложные отношения, к примеру, пушкинское: «Я ей не он»⁶. Это источник *единомножия Я*, которому автор придает особое значение в построении мультисубъектной теории личности [13]–[15].

Развивая семиотику Я, мы должны ввести еще одно понятие, которое, также как и предшествующее, является знаком себя и только себя. Это — *соощущение ощущений*. Примером может служить то, что мы называем контрастом, а также ощущаем как «больше — меньше», «над — под», «впереди», «вместе», «сходство», «различие» и т. д. и т. п. Все это — *соощущения*. Соощущение двух или большего числа ощущений образует новое ощущение, не сводимое к своим образующим, подобно тому как свойства химического соединения не сводятся к свойствам обра-

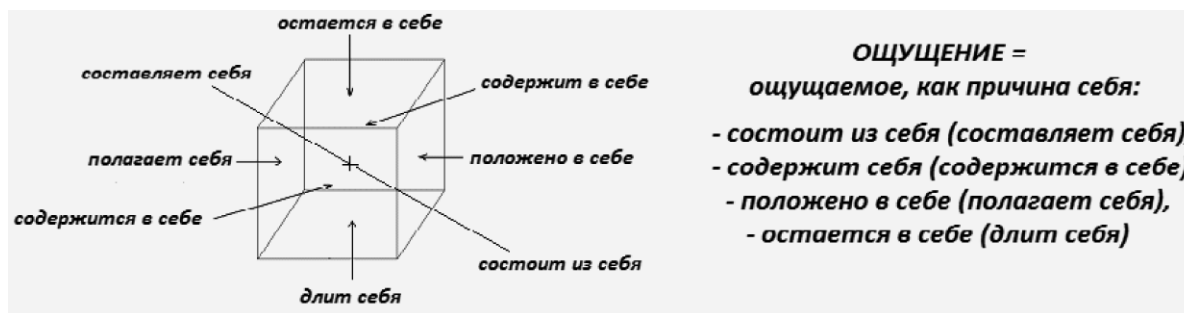

Рис. 10. Ощущение. Кубик Неккера — «живой знак»

⁵ В кавычки взяты термины семиотики Ч. Пирса.

⁶ «Печален ты: признайся, что с тобой».

Люблю, мой друг! — «Но кто ж тебя пленила?»

— Она. — «Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лида?»

— О, нет! — «Кому ж ты жертвуешь душой?»

— Ах! ей! — «Ты скромн, друг сердечный!

Но почему ж ты столько огорчен?

И кто виной? Супруг, отец, конечно...»

— Не то, мой друг! — «Но что ж?» — Я ей не он.

(А.С. Пушкин. «ОНА»)

зующих его элементов. В сфере соощущений могут быть выделены *чувства*: «сгустки» одновременных разнородных ощущений и — *переживания*: соощущение слитности ощущений в различные моменты времени; выделяем также пространственные («конфигурации») и темпоральные («длительность») соощущения. Отталкиваясь от этой категории, можно определить *субъективность* как таковую: это — *соощущение всех ощущений, сопричастных друг другу*.

Среди соощущений мы отмечаем так называемые *дейксисы* (от греч. *deixis* — указание), без которых семиотика Я была бы, на наш взгляд, не только не полна, но и невозможна в принципе.

В лингвистике этот термин обозначает языковые выражения и другие знаки, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта — его участникам, его месту и времени. Нас интересуют, прежде всего, персональные дейксисы и среди них личные местоимения 1-, 2-, 3-го лица (*я, ты, он*), но также и дейктические элементы. Этим термином обозначают как отдельные лексемы, так и аффиксы в составе других слов, к примеру, русское личное окончание *-у* (в слове *пишу*); оно в той же мере указывает на говорящего, что и местоимение *я* [6].

Психологически, *дейксисы* — соощущения, как минимум, объединяющие в себе три генерации ощущений: кинестетических (артикуляция звуков в словах *я, ты, он* и прочее и адекватная жестикация), слуховых (слышание произносимых звуков) и визуальных (восприятие или представление физических тел как говорящего, так и слушающего, а также собственных и чужих указательных жестов).

Наименее очевидный и наиболее важный вопрос семиотики Я, постановка которого обязана существованию дейксисов, заключается в следующем: существует ли общее чувство, роднящее дейксисы *я, ты, он(а)*⁷ и другие дейксисы того же рода?

Отвечая на этот базовый вопрос семиотики Я, мы говорим: «Да, существует!» и даже называем это гипотетически общее, сродственное, роднящее дейксисы знаковое образование непривычным образом: перед нами *безличное местоимение первого лица*. Это — соощущение тождества позиций *адресант* (т. е. говорящий, = источник сообщения, тот, от кого поступает сообщение), *адресат* (т. е. слушающий, = получатель сообщения, тот, к кому обращено сообщение) и, наконец, *объект коммуникации* (потенциальный участник коммуникации, тот, о ком это сообщение)⁸.

Изобразим знаковое образование, соответствующее *безличному местоимению первого лица* (рис. 11).

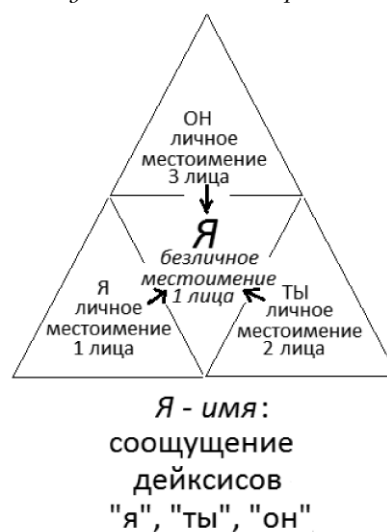

Рис. 11. Безличное местоимение первого лица. Представлено обобщенное обозначение «Я» (прописная буква курсивом) в роли замещающего символа при подстановке личного местоимения первого лица «я» в позицию «ты» и «он», а также в соответствующие притяжательные местоимения и частицы

Присутствуя в каждом и как бы «между» индивидуумами, такое Я повсеместно. Мы говорим о данной форме Я — «Я-имя» (или — «Номинальное Я»), изображая ее в тексте заглавной буквой Я, набранной курсивом.

Казалось бы, естественно спросить, где (на чьей стороне — адресанта, адресата, объекта коммуникации) осуществляется синтез Я-имени? Ответ состоит в том, что территория синтеза не столь уж существенна. Независимо от того кто является носителем синтеза, «в ком» осуществляется сплав «я», «ты», «он» и других маркеров взаимоприсутствия индивидуумов, рождающееся при этом Я еще свободно от знаков отличия (оно просто «не успело» еще обрести их, как, впрочем, еще «не успело» расстаться со знаками отличий в своем продвижении к «чистому Я»).

Вместе с тем, общая схема генезиса Я-имени представляет интерес и гипотетически могла бы выглядеть как на рис. 12.

Я-имя — первое, наиболее абстрактное формообразование Я, с которого начинается восхождение к более конкретным, богатым своими определениями формам его существования⁹.

⁷ «Он» («она») в контексте нашего анализа — это, в частности, дейксис личного имени.

⁸ Можно показать, что все эти дейксисы образуют замкнутый контур: особую систему, каждый элемент которой определяется сочетанием некоторых других элементов этой системы, например, справедливы равенства: моё «я» для меня = моё «ты» для тебя = моё «он» для него и т. п. В этом семиотическом контуре каждый элемент может быть замещен сочетанием других элементов и это замещение есть соощущение тождества элемента и композиции других элементов. Несколько «странноватые» равенства могут быть проиллюстрированы многими примерами, известными из художественной литературы. Таков, например, знаменитый рассказ А.И. Пантелеева «Буква «ты»» и мн. др. Контрапунктом может прозвучать пример из М.М. Жванецкого — о разнице между интеллигентным и обычным человеком. Простой человек говорит: «Вот сволочь! Что ты делаешь!» Интеллигентный: «Вот сволочь, что он делает!». В данном примере «ты» и «он» абсолютно противостоят друг другу, что может рассматриваться как комическая иллюстрация нашего тезиса «наоборот».

⁹ В логическом плане все другие формы Я являют собой *субъект-предикативные* конструкции: *С есть Р*. Субъектом суждения (*С*) являются ощущения и сложные композиции ощущений (будь то сильная боль или чувство благополучия, представление будущего или усердность к нему и т. д. и т. п.), а предикатом (*Р*) — лингвистическое Я; связка *есть* в этой конструкции представляет собой соощущение общности *С* и *Р*.

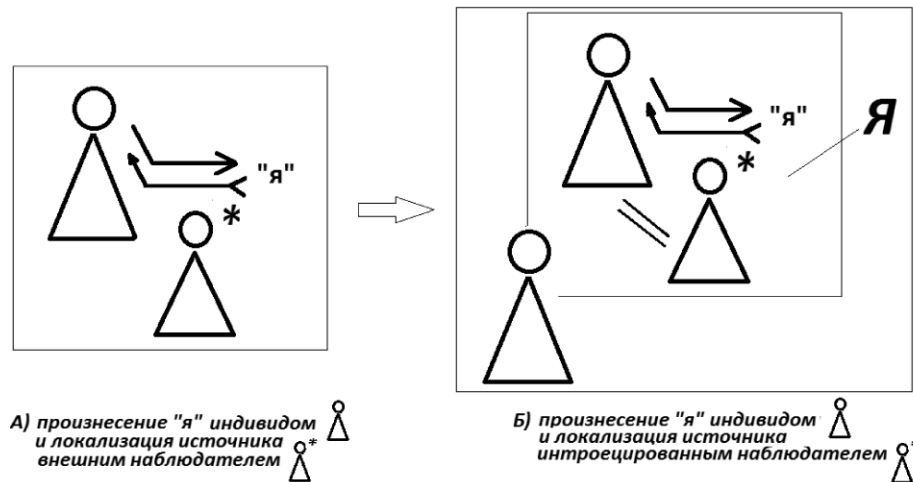

Рис. 12, А, Б. Онтогенез Я. В интересах упрощения схемы опущены некоторые элементы: «человечек», символизирующий присутствие третьего лица (Он); не указаны также послания («ты» и «он»), которые должны бы исходить, соответственно, от второго (помечен звездочкой «*») и третьего лиц на картинке

Перечислим теперь преемственные формы Я (рис. 9). Из них первая, как уже было сказано только что, — «лингвистическая» форма Я, *Номинальное Я*, образует старт восхождения.

Важно отметить: Я-имя присутствует внутри *каждого* из нас. Это «имя-место» любого, говорящего «я», и в этом смысле оно *повсеместно* (можно сказать, что оно существует *между* всеми). За этот счет безличное местоимение Я, звучащее всякий раз как личное местоимение «я», есть не только исходная, но и финальная точка маршрута при восхождении к совершенному — всеединому — Я.

Чтобы уяснить для себя, что представляет собой такое Я, не нужно прибегать к образу «маленького человечка в голове», или гомункулуса, который «рассматривает» картинки, поступающие извне, инициирует действие, переживает (вторично, третично и так далее «пережевывая») одну и ту же эмоцию. Для осмысления более чем достаточное соощущения общности ощущений, характеризующих произнесение и одновременно слушание слова «я» [ja], воспроизводства в сознании указательных жестов «к» (чему-то), «от» (чего-то), «о» (чем-то), а также — частичное восприятие или представление говорящего в разных позициях коммуникации и ощущение тождества его бытия в этих позициях.

Я-имя, по-видимому, и есть то самое — искомое — «центральное Я», которое веками будоражило умы философов со времен Юма; его «маленький человечек»-наблюдатель в голове навлек на голову мыслителей неразрешимую проблему «человечков» второго, третьего и далее порядков, наблюдающих за наблюдателем. Но если уж с чем-то сравнивать «центральное Я», то это, скорее, некое навигационное устройство, показывающее, где пребывает оно само, — где находится источник сигналов, который может быть запеленгован другими и таким образом «рассекречен» ими.

2. Феноменальное Я (синонимический ряд: *Моё; Мой жизненный мир; Я-идентичность; Территория*

Я; «со мной» = «при мне» = «у меня») — соощущение всех ощущений, соотнесенных с Я-именем (всех сопричастных ему ощущений — проприоцептивных, интероцептивных и экстероцептивных, а также образов, интенций, побуждений, смыслов, настроений, состояний и т. п.), сливающихся в общее переживание *присутствия* в мире (см. рис. 13).

Рис. 13. Фрагмент Феноменального Я (рисунок из книги Э. Маха [12, с. 37]).

«Психологи склонны думать об «Я» либо как о бессмысленной абстракции, либо как о сложной проблеме, требующей глубокого размышления. Сведение «Я» к зрительной проекции носа на сетчатку (именно краешек носа позволяет наблюдателю видеть *себя* в движении; примечание мое. — В.П.) обычно вызывает радостное оживление и насмешки слушателей» [3, с. 75]. Отметим, что видимая часть носа, строго говоря, еще не есть Я. Ведь и рыбы, руководствуясь сетчаточными проекциями носа, ничуть не хуже, чем люди, видят «себя», но *имя* «Я» — хотите верить, хотите проверьте! — им неведомо. Сфера *Моё* (Феноменальное Я) включает в себя сотканное из ощущений имя «Я» вместе с другими, сопряженными ощущениями

Поскольку здесь перед нами соощущение **всех** ощущений, связанных с Я мостиками переходов, в этом парадоксальном «множестве всех множеств

ощущений» присутствуют не только *имя Я*, но и ощущения, образующие приведенную *только что* дефиницию наличного Я, а также все слова, надстраивающиеся над нею *сейчас*, — в том числе и *эти*, говоримые нами, и *те*, что будут сказаны нами потом. Словом, присутствует нескончаемая *ing*-овая форма ддящегося настоящего! Но в этом *ддящемся* настоящем есть *настоящее Я*, характеризующее *постоянством* (сквозь-временным характером) своих черт. Постоянство — в самой сопричастности любых актуальных ощущений «лингвистическому» ядру Я.

Может показаться странным, но это так: первое — «личное» — Я представляет собой союз *ничьих* ощущений и *безличного* местоимения первого лица.

Возникает вопрос: в каких терминах семиотики Я специфицировать данную форму? Перед нами — такой знак, который объединен с самим означаемым (денотатом). Мы говорим — знак-признак (в семиотике Ч. Пирса — «индекс»). Я-имя обозначает некое целое, к которому принадлежит — себя, как таковое, и свое окружение. Иными словами, Номинальное Я не отделимо здесь от феноменального поля, к которому принадлежит.

Перейдем теперь к следующей, более развитой, форме Я, наследующей черты только что рассмотренной.

3. Когитальное Я (Я сам). Любое ощущение может фигурировать в статусе сущего (ощущаемого), и, таким образом, повторно (рефлексивно) проявлять себя в качестве ощущения. И следовательно об ощущении можно говорить, что в составе другой целостности оно составляет себя (слитно с собой), содержит себя, полагает себя, длит себя. То же, конечно, относится и к ощущениям, таким как *Феноменальное Я*. Таким образом, мы можем перейти к новой целостности: *Феноменальному Я в саморефлексии*. Назовем эту новую рассматриваемую форму *Когитальное Я*. На языке обыденной речи в этом случае мы говорим «Я сам».

В каких знаковых формах мы могли бы выразить *Когитальное Я*?

Ранее уже говорилось, что помимо настоящих, истинных, есть еще и ненастоящие (условные) фигуры невозможного, то есть фигуры, кажущиеся невозможными и все-таки существующие. Среди них — лента Мебиуса (вернемся к рис. 3,б). Эта фигура широко задействована в культуре и, в частности, используется при описании нашего сознания (см. В.П. Зинченко [10]).

Когда в рефлексии мы фокусируемся на *Я-феноменальном* (напомним — это «Моё», «Территория Я»), лента Мебиуса подсказывает нам следующий способ осмыслить себя. Мы располагаем взглядом на себя изнутри («внутренний наблюдатель» есть Я) и одновременно видим себя извне («внешний наблюдатель» — также Я). Таким образом, перед нами парадокс «двойного присутствия». Эта парадоксальность включает в себе проблему: как примириться с мыслью, что находясь внутри, можно быть еще и сна-

ружи того, в чем находишься?! Чувство парадоксальности усиливается, когда мысленно мы возвращаемся в детство, вспоминая игру: «зажмуриваюсь» — «смотрю». Стоит только зажмуриться («никто не видит меня»), и меня уже «нет». Открываешь глаза и — «появляешься». Быть не видимым извне для ребенка означает — не существовать. Взрослые люди, в отличие от детей, обладают «внутренним зрением», показывающим их самих «снаружи». Лента Мебиуса позволяет в мысли справиться с парадоксом двойного присутствия: продвигаясь вдоль «одной из сторон», вполне возможно плавно перейти «на другую» сторону, то есть, применительно к случаю, — из положения «вижу себя изнутри» перейти в положение «вижу себя извне».

Когитальное Я (Я сам) представлено *единоножием* четырех ипостасей:

— *Я-самоцелность (переживание себя)*. Человек чувствует, что его Я в данный момент служит продолжением «того же самого» Я в непосредственно предшествующий момент времени (то есть ощущает непрерывность и преемственность своего Я во времени);

— *Я-самоданность (созерцание себя)*. Человек строит образ своего Я (будь то физическое тело, частично воспринимаемое органами чувств, или — интроспективно, создавая образ себя в представлении);

— *Я-самоосуществление (полагание себя)*. Человек воплощает себя в мысли и действии (мысля себя, созидает себя);

— *Я-самоценность (устремленность к себе)*. Человек обращен к себе самому, привержен себе; он может сказать: «я есть для себя», или, быть может, так: «я есть, для себя» (то есть существую, *продлевая* себя, как если бы «для» было от слова «длиться»).

С учетом абстрактности и многозначности терминов, с помощью которых мы описываем указанные формы самости, предложим также синонимический ряд: *Аутентичное Я* (Я как чувство себя), *Эйдетическое Я* (Я как образ себя), *Деятельное Я* (Я как мыслесозидание себя), *Самоценное Я* (Я как устремленность к себе) (рис. 14):

Рис. 14. Четыре ипостаси Когитального Я (Я сам)

Все ли формы Феноменального Я (Моё) рефлексивуются, превращаясь в *Я сам*? Ответ подразумевается — не все! Если принять эту посылку, логично было бы выделить также формы *дорефлексивного (потенциального) Я сам*, образующих в целом то, что можно назвать (их также четыре): *Упускаемое Я*, *Потенциальное Я*, «Дремлющее» Я, *Витальное Я*. В целом,

они образуют то, что могло бы быть названо **Сокровенным Я**¹⁰.

Происхождение числа «четыре» применительно к ипостасям *Я сам* (и их дорефлексивным прообразами) представляется нам очевидным. Ведь каждая из них суть особая целостность, основу которой образует одна из четырех сторон Феноменального Я; оно, в свою очередь, есть соощущение ощущений, соотношенных с Номинальным Я, и являющееся, соответственно, ощущением; а это последнее объединяет в себе четыре аспекта самопричинности сущего (еще раз перечислим их: слитность с собой, принадлежность себе, воплощенность в себе, продолженность в себе). *Когитальное Я (Я сам)* воспроизводит в себе эти аспекты ощущения, обособляя их, придавая им качество самостоятельности.

Каков статус указанных сторон *Я сам* в семиотике Я? Перед нами то, что Ч. Пирс называл *иконическими знаками* (иконический знак заключает в себе ряд свойств, присущих обозначаемому объекту).

Существуют данные эмпирических исследований, подтверждающие, что каждая из названных форм *Я сам*, проявляясь в поведении человека, сопровождается чувством самопричинности Я (феноменология самоцельности, самоданности, спонтанности самораскрытия, самоценной неадаптивности Я). Подробнее об этом — в наших книгах [13]; [15] и статье [19].

Заметим, что четыре ипостаси самости еще не раскрывают нам характера существующих связей между ними. Но если принять, что событие ощущаемых порождает их соощущение, то из нашего допущения следует многообразие форм ощущаемых связей между разными проявлениями самости.

Упомянем варианты соощущений, образующих более сложные формы *Я сам* (и с семиотической точки зрения являющиеся также иконическими знаками):

переживание себя и созерцание себя. «В норме» они соощущаемы, рефлексируются как *«собственный взгляд на себя»*, *«точка зрения, с которой я вижу себя»*.

В случае если чувство себя и образ себя не выступают в единстве друг с другом, если они не образуют общего ощущения, возникает чувство «я не вижу себя», «я себя потерял», «что со мной?», или — «я не могу выразить то, что в действительности чувствую». Это значит, что в данном отношении *Я-когито* не состоялось;

переживание себя и полагание себя; в своей совместности они рефлексируются как *аутентичность*;

переживание себя и обретение себя; их событие рефлексируются как *обладание собой* (ведь глубокий смысл этого — владеть собой);

созерцание себя и полагание себя; совместность двух переживаний рефлексируются как *следование себе* («На том стою...» (М. Лютер); «И нужно ни единой долькой // Не отступаться от лица...» (Б. Пастернак);

созерцание себя и устремленность к себе; их событие рефлексируются как *принятие себя* («любованье собой»);

устремленность к себе и полагание себя; совместность их бытия рефлексируются как *самоактуализация* (сокровенные смыслы обнаруживают себя во вне).

Всё это — разные формы саморефлексии Я (более точно — *Феноменального Я*).

Формы саморефлексии *Феноменального Я* мозаично представлены в культуре россыпью символов. По словам В.П. Зинченко, «мы часто встречаем выражения, свидетельствующие если и не об отсутствии, то о размытости границ между познанием, чувством и волей: логика сердца; действие и страсть — одно; чувствующий ум; умное делание; единство аффекта и интеллекта; умные эмоции; эмоциональный интеллект; идея, становящаяся аффектом; проведение ума в сердце; союз ума и фурий (рождающий ублюдков); живописное соображение; визуальное мышление; зрячих пальцев стыд; от действия к мысли; ручные понятия; память — ищущий себя интеллект; живое движение — ищущий себя смысл; духовная жажда; голодный ум и т. д. и т. п. Подобные речевые миксты (монстры) должны были бы заставить усомниться в существовании чистых культур, но как схватить целое, если пренебрегли душой?».

Вопрос и в самом деле заключается в том, чтобы «схватить целое» — *душу*. При всем многообразии форм *Когитального Я* есть в них нечто, ощущаемое как общность их всех. Оно равным образом представлено в каждой, но вместе с тем не тождественно ни одной. Это — *«чистое Я»*.

Чистое Я выступает в процедурах **растождествления**:

«У меня есть тело, но я — это не мое тело. Мое тело может быть больным или здоровым, усталым или бодрым, но это не влияет на меня, на мое истинное “Я”...»

У меня есть *эмоции*, но я — это не мои эмоции. Мои эмоции многочисленны, изменчивы, противоречивы. Однако я всегда остаюсь собой, своим “Я”, радуюсь или горюю, спокоен или взволнован, надеюсь на что-то или отчаиваюсь. Поскольку я могу наблюдать, понимать и оценивать свои эмоции и, более того, управлять ими, использовать их, то очевидно, что они не есть *мое “Я”*...

¹⁰ К феноменологии Сокровенного Я. Из дневника 16-летнего юноши:

«... И вдруг я понял: этот смех — не мой,
и этот жест медлительный — не мой,
и, не маня,
недвижимое Я во мне, как за стеной.
И мысль сия
не ведает со мной
ни йоты общего:
куда ей до меня?»

У меня *есть* интеллект, но я — *это не* мой интеллект. Он достаточно развит и активен. Он является инструментом для познания окружающего и моего внутреннего мира, но я — *это не* мой интеллект.

Я — Центр чистого самосознания.

Я — Центр Воли, способный владеть и управлять моим интеллектом, эмоциями, физическим телом и всеми моими психическими процессами.

Я — это постоянное и неизменное «Я» [1, с. 145–147] (рис. 15).

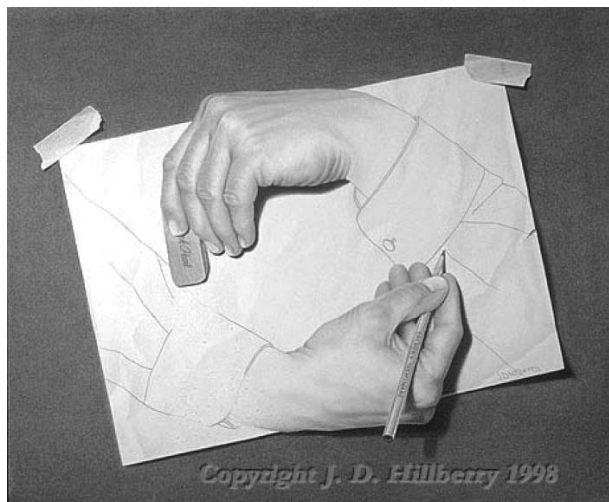

Рис. 15. Дж. Д. Хиллберри. Предлагаю название: «Держите себя в руках!» (В.П.)

В контексте семиотики **Я** важно, что здесь перед нами не просто *символ*, но символ, в котором чувствуется несводимость его к символизируемому, — символ, заключающий в себе *отрицание* каких-либо ощущений, при этом само это отрицание *ощущается*. Он относится к особому роду знаков. *Это знаки иного, чем знак, — чувственные знаки сверхчувственного*¹¹. А в случае *чистого Я* (присмотримся к процедуре растождествления) это *иконический знак отрицания* (иконические знаки, как мы помним, обладают сходством с тем, что они обозначают; «чистота» **Я** — результат отрицания определенности, «очищения»).

Итак, мы приходим к завершающей форме восхождения к *Ноуменальному Я*. Она создается цепочкой слов, движением образов, чувством *вот только что*, но все эти слова, образы, чувства как «часть» рефлексии в ней же и сходят на нет.

Озадачим себя вопросом, которым не считал нужным обременять себя Ассаджиоли, а именно: «Куда испаряется Я по мере становления «Чистого Я» в рефлексии?»

4. Трансгрессивное Я (*свое другое Я; Я по ту сторону Я; Я-незнаемое*). Только что мы застали что-то, отличное от рефлексивного Я; оно скрыто присутствовало в повествовании о нем, но угадывается как следствие (дериват) нарратива. Появление этого нового Я связано с переходом через невидимую черту, отделяющую рефлексивные формы Я от пострефлексивных. За этой чертой, мы чувствуем, есть «что-то такое», о чем сами не знаем, хотя оно и создается нами: новое Я, *предлежащее* будущему постижению¹².

Данная форма Я нуждается в имени, заключающем в себе «не-знаемость» того, что случится (при переходе через черту). Одно из таких имен — «трансгрессия», означающее пересечение границ, выход за пределы, перемещение «по ту сторону» чего-либо. Иногда слову трансгрессия придается магический смысл волшебного перемещения в пространстве (например, в книге Б. и А. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» или Дж. Роулинг «Гарри Поттер»).

Итак, перед нами новая форма Я: «*Трансгрессивное Я*».

Чем является *Трансгрессивное Я* как знаковое обозначение? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определить еще одну категорию сущих, относящихся к семиотике **Я** — «*внезнаковое*». Этот термин используется нами, чтобы выразить идею существования *чистых* бытийных форм, не являющихся знаками (ни означающими, ни означаемыми). Они — за пределами знаковой области; но коль скоро мы *говорим* о них, они примыкают к ней, находясь на границе. Это «что-то», о чем мы не можем сказать «что». Положение неопределенности и неизвестности, конечно, временное, сама мысль о внезнаковом придает ему знаковый статус. Однако все-таки, оглянувшись (как бы в зеркальце заднего вида), мы можем уловить присутствие этого «нечто» еще до его превращения в знак.

К такой категории явлений относится *Трансгрессивное Я*. В самый момент его появления мы не можем сказать о нем: «Это — я». Необходимо выйти за границы *Я сам*, покинуть территорию саморефлексии, чтобы после увидеть себя-иного (нового). Нельзя видеть точку, с которой смотришь. Чтобы *потом*

¹¹ Проблема в том, как «ощущается» нечто, *не* являющееся ощущением (философы говорят: «Как войти в воду, не замочив ноги?»). «Сверхчувственное» таково, что оно всегда — в одежке слов и образов, но никогда к ним не сводится. И в этой «одежке» присутствуют две «границы» сверхчувственного: чувственная модель («подстораживание» некоего неизвестного) и — ее (этой модели) столь же чувственное отрицание. В отличие от ощущения, представляющего собой сущее как знак *себя*, мысль есть сущее как знак *иного*. Пока мы не смотрим в «сторону сверхчувственного», оно для нас есть (выступая как чувственный знак, модель), но как только взглянем на него, оно распадется (то есть мы понимаем, что перед нами просто знак, знаковая форма с невидимым — ускользающим от нас — содержанием). Как если бы в калейдоскопе мы пытались разглядеть периферическую часть картинки. «Сверхчувственное», в сфере чувств, всегда есть *неопределенно-чувственное* — «что-то есть, но *что* есть — неизвестно», некое X, которое ни на что не похоже, в том числе и на свой собственный символ «X».

Сверхчувственное — манит. «Притягательность» сверхчувственного — особая статья. Люди одержимы стремлением «наступить на горизонт». Попытка трансгрессии чувственного в философии — своего рода *гносеологический вуйайеризм*. Вот только «подсмотреть» сверхчувственное никак нельзя.

¹² А прогос. Коллега (Е.Б. Старовойтенко) как-то спросила меня: «Есть ли что-то такое, что все люди на планете делают одновременно?» Я ответил: «Есть! Они не ведают, что творят».

сказать «я», необходимо *сначала* поставить себя на место этого *некто* («он», «она»), сказав о нем: «“Некто” есть именно *ты*, твое я».

И, таким образом, круг знаковых форм Я замыкается. Мы приходим к исходной форме Я. Перед нами вновь «Я-имя», объединяющее в себе «он (она)», «ты», «я» (и другие персональные дейксисы).

Отталкиваясь от *Я-номена*, мы возвращаемся к нему же. Круг знаковых форм Я замыкается.

Ноуменальное Я (Я-действительное). Сам этот круг — взглянем на него (см. рис. 9) — есть символ¹³, обращающий нас к некому (не видимому на рисунке) обозначаемому. В семиотике Я данному символу мы отводим особое, скажем так, знатное, место. Денотат этого символа не предшествует ему (символу) ни исторически, ни логически; символ здесь *предваряет* появление символизируемого; последнее является *дериватом* этого символа. Символ как бы творит свой денотат, первичен по отношению к нему (в то время как денотат — вторичен).

Ровно о том, что существует «по ту сторону» знака, но рождается при его непосредственном участии, мы говорим «*Ноуменальное Я*» (в тексте, как мы помним, для обозначения *Ноуменального Я* используется крупная буква **Я**).

«Я» есть динамика переходов между *ноуменальной, феноменальной, когитальной и трансгрессивной* формами Я. Рисунок четырех форм Я и объединяющей, пятой, символизирует *идею Я*, — самореализующегося представления, опосредующего активность индивидуума (см. далее «Психофизика Я»).

Рождается **Я** — реальное, «всамделишное», участное в бытии. От того, как выглядит, в каких знаковых формах оно раскрывается перед людьми, зависит его собственное бытие. Значит, не только оно «соучастно» нам, но и мы соучастны ему¹⁴.

Знаковые аномалии в понимании Я и их последствия

Ошибка порочного круга в самоинтерпретации, а также выпадение или нарушение тех или иных звеньев круга ноуменального Я позволяет интерпретировать акцентуации, дезадаптации, защитные механизмы, измененные состояния сознания личности. Перед нами следствия знаковых аномалий в осмыслении собственного Я. Назовем некоторые: бездействие, уход в дурную бесконечность «самоиска» (мы цитировали уже палиндром Вознесенского — «аксиома самоиска»; этот удивительный перевертыш соответствует наивному убеждению людей в том, будто можно когда-нибудь «доискаться» до своих исто-

ков в воронке саморефлексии); защитные механизмы проекции, интроекции и ретрофлексии (нарушения в системе *Я-номена*); регрессии к фрейдовскому «океаническому» Я («остановка» развития на ступени *Феноменального Я*); избыточное самодистанцирование при утрате «*Я-чувства*» и смежные расстройства (при нарушениях в системе *Феноменального Я*); измененные состояния сознания при нарушении *Я-когито*.

К психофизике Я

Итак, «Я» в качестве артефакта есть искусственная (культурная) **схема Я**, реализующая себя в естественном материале ощущений и опосредующая активность индивидуума. *Метафорически* активность индивида в процессах такого опосредования можно уподобить световому лучу, проходящему сквозь отверстия в перфокарте; конфигурация просветов на перфокарте аналогична узору прообраза *Я* (напомним, что сделанная из тонкого картона перфокарта, применявшаяся в компьютерах первого поколения, представляет информацию наличием или отсутствием отверстий в определенных позициях карты). Сказанное означает, что прообразы возможного **Я** конфигурируют проходящий сквозь них поток активности, и в этом случае прообраз Я превращается в *Я-ноумен*, становится формообразующей причиной поведения (аналогия представлена рис. 16, где показано, как «возможно» физическое воплощение того, что существует в знаковом, двухмерном, дизайне — в плоскости идеального, на картине).

Заметьте: знаковая картина мира — это не только посредник в ряду «активность — знак — мир», но и следствие самой себя, как возвращающейся к себе причины; отразившись в объекте, превратившись, тем самым, в новый поток импульсов, активность как бы возвращается к себе, наводит новый порядок в знаковом психическом поле; рождаются новые знаки и, стало быть, новые посредники, конфигурирующие активность индивида (рис. 17).

Я емь?

Теперь мы можем вернуться к исходному вопросу исследования: что есть Я, если считать его артефактом, то есть искусственно-естественным образованием, выдающим себя за имманентное свойство сознания?

Перед нами особое знаковое построение. Оно является оттиском культуры в пространстве витально-

¹³ «Символ», в нашем понимании, есть объект, которому интерпретатор придает некоторое значение (то есть воспринимает данный объект как знак), но способ интерпретации объекта как знака не является для самого интерпретатора знаком (то есть не может быть однозначно соотнесен с данным объектом); таким образом, связь «знак — смысловое значение» неоднозначна, не подлежит нормировке, не формализуема (по крайней мере, в системе координат интерпретатора).

¹⁴ Более полное рассмотрение *Я-номена* потребовало бы расширить контекст анализа. Важно обратиться к идеям культурно-деятельностного подхода в трактовке персонотеза [1], проекту «органической» психологии [10], сочетающей в себе исследовательскую и конструктивную образующие, а также — к стратегиям развертки общей персонологии, объединяющей в себе теоретико-экспериментальные, герменевтические и практико-ориентированные разработки в области психологии личности [16], [18].

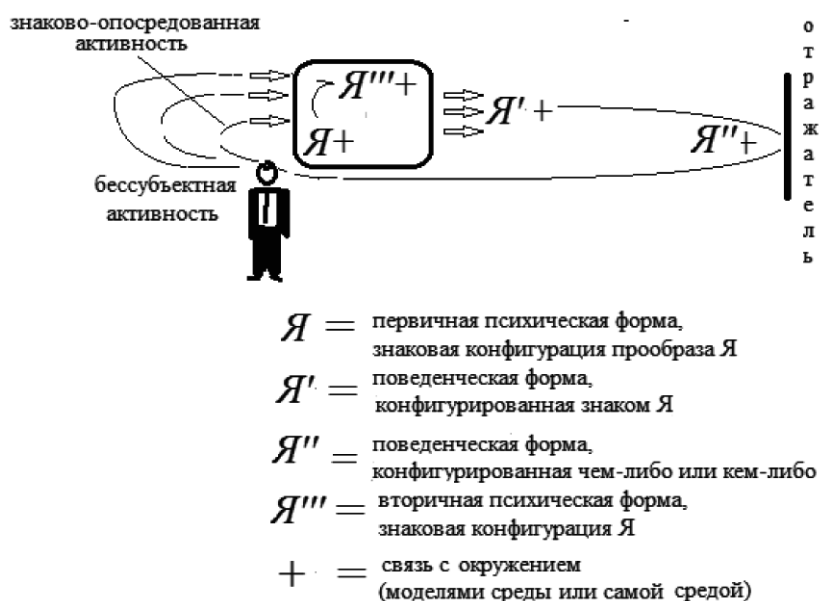

Рис. 16. Динамика Я как причины себя: «внутренняя активность индивида → динамика и посредничество со стороны прообраза Я → поведение → «ответы мира» → активность индивида → динамика и посредничество со стороны обновленного прообраза Я → поведение → ... и т. д.» (Петровский [17])

Рис. 17. Плоский знак переходит в свой денотат (изображение бечевы на картинке превращается в настоящую бечеву)

сти индивидуума; оно воспроизводится и обновляется в процессах его активности; оно является, тем самым, причиной себя — *causa sui* (материальной, формальной, действующей и целевой).

Имея в виду все сказанное, предлагаем следующее определение. «Я» есть культурно-обусловленное, укорененное в природе индивидуума, опосредующее его активность и придающее ему статус субъекта знаковое образование.

Оглядываясь назад, мы видим себя, свое Я появившимся вместе с нашим рождением. Но это, конечно, иллюзия. Оно заявляет о себе, своем собственном появлении на свет, в возрасте приблизительно трех лет. И тут уж доподлинно: вначале — слово (и это слово — «Я»). Наряду с Номинальным Я культура подсказывает схемы упорядочивания впечатлений (сообщений) индивида, образующих «знаковое тело» Я на различных ступенях его развития. Природа не наделила психику готовыми формами со-творения Я, но обеспечила круг возможностей к построению таких форм. Пусть не проверено эмпирически, но вполне допустимо предположить, что область возможного обладает здесь некоторой избыточностью относительно любой из форм, к присвоению которых располагает культура. Иначе говоря, есть некая «свобода выбора», непредрежденность пути становления Я.

Но эта непредрежденность, по-видимому, не означает отсутствия границ восприимчивости к культурным знакам Я. Эти знаки никогда бы не были пригодны для освоения индивидуумом, если бы не были предвосхищены природными возможностями человеческого тела. Я есть синтез природного и культурного, бессубъектной активности, «ждущей» своего знака, и знака, «подготовленного» к судьбоносной встрече¹⁵. Однако ни то ни другое еще не Я.

¹⁵ В диалоге с автором философ Т.М. Рябушкина в одной из наиболее ярких работ последнего времени, посвященных онтологии Я [22, с. 250–277], цитирует и критически анализирует наш тезис: «...подлинное Я есть результат синтеза, сплава активности ... природного (бессубъектного) происхождения и схемы Я (прообраза Я, произведенного в конечном счете культурой)» (Петровский [17, с. 216]). С точки зрения Т.М. Рябушкиной, «в этом случае момент тождества сводится к биологическим импульсам» (22, с. 275). Нет, с моей точки зрения это не так, «момент тождества» не сводится к биологическим импульсам. Может быть, ситуация прояснится, если автор критики примет во внимание текст настоящей статьи, где Я, в развитие ранее высказанной мною точки зрения, трактуется как артефакт, искусственно-естественное образование, в котором биологическое и культурное — вполне равноправные партнеры. Другое дело, что онтология синтеза подобного рода образует реальную проблему, сродни, может быть, психофизической проблеме. Метафорически, моменты тождества таких конструктов как, например, «субъективное» и «объективное», «внешнее» и «внутреннее», «природное» и «культурное» могут быть представлены в виде произведения двух мнимых чисел, противоположных по знаку: $(+i)$ и $(-i)$. (Напомним читателю: символ « $i = \sqrt{-1}$ » предложил Эйлер, взявший для этого первую букву слова *imaginaris*). Обратим внимание: $(+i) \times (-i) = 1$ (действительное число). Применительно к случаю, «природное» как таковое и «культурное» как таковое суть мнимости, и лишь тогда, когда они сходятся «в моментах тождества», то есть выступая совместно, они порождают нечто действительное, а не мнимое (Петровский [15, с. 319]).

Придерживаясь данной точки зрения, мы определили в этой работе альтернативные принципы схематизации Я — знаковые аномалии и знаковые модели реального Я. Знаковые аномалии в построении Я — это истинные фигуры невозможного (визуальные и вербальные), круги в определениях, символы дурной бесконечности. Знаковые модели реального Я — это Номинальное Я (Я-имя), Феноменальное Я (Мое), Когитальное Я (Я-сам), Трансгрессивное Я (свое другое Я), Ноуменальное Я (единство всех форм Я) и образующие их знаки.

Сам текст этой работы и визуальные решения, приведенные в нем, могут рассматриваться как психологические орудия (может быть, весьма далекие от совершенства!) построения Я.

Мы стремились освободить Я от всего, что делает его в наших глазах невозможным или логически небылупречным артефактом. Однако справедливости ради добавим, что стремление как-либо логически осмыслить («рационализировать») Я наталкиваются на некое экзистенциальное сопротивление. Многие философы и психологи склонны считать «Я» ускользающей от понимания сущностью.

Вопрос, является ли Я совершенной умственной конструкцией, укорененной в органическом теле индивидуума, или безумным умыслом человеческой

природы, не поддающимся уразумению, остается вопросом.

Свойственная многим людям эстетическая любовь к абсурду есть, возможно, попытка выразить ощущаемый алогизм бытия, в котором мы — соучастники. Так, возможно, мы пытаемся справиться с самонепониманием. Напрашивается образ Океана Ст. Лема, как если бы он сошел с ума и пытался создать копию себя самого (а не только других существ) в надежде, что так можно осмыслить свое безумие.

Часто мы пытаемся спрыгнуть с лестницы Рутерсварда (рис. 18), не замечая, что кружим по ней.

Но почему, спрашивается, мы пытаемся доискаться, дойти «до самой сути»? Является ли этот драйв — вспомним Фуко! — проявлением *заботы о себе*? Но ведь в этой озабоченности собою есть риск самопотери или, по меньшей мере, — немоты. У А.Ф. Тютчева в его знаменитом «*Silentium!*» («*Молчи!*») есть строки: «Взрывая, возмутишь ключи, внимай их пенью и молчи!» (это там же, где сказано: «Мысль изреченная есть ложь»). Борис Пастернак: «Есть в опыте больших поэтов // Черты естественности той, // Что невозможно, их изведав, // Не кончить полной немотой. // В родстве со всем, что есть, уверясь // И знаясь с будущим в быту, // Нельзя не впасть к концу, как в ересь, // В неслыханную простоту. // Но мы пощажены не будем, // Когда ее не утаим. // Она всего нужнее людям, // Но сложное понятней им». Возможно, мы должны пройти тропой раннего Пастернака, чтобы прийти к позднему. Мне часто вспоминаются слова поэта, литературного критика, учителя, Анатолия Александровича Якобсона, говорившего, что раннего Пастернака он любит так, что нельзя любить больше, а позднего — еще больше, «через невозможное».

Мы утверждаем возможность себя «через невозможное» (рис. 19).

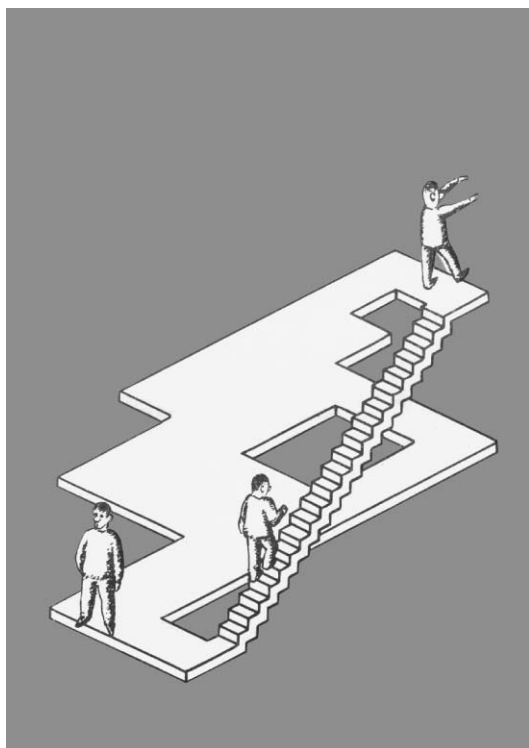

Рис. 18. Невозможная лестница Рутерсварда + Пририсованные человечки (обложка нашей книги «Психология неадаптивной активности» [14]) ПЫТАЕМСЯ СПРЫГНУТЬ, НО НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ: НЕКУДА!

Рис. 19. Дж. Д. Хиллберри. Я ЕСМЬ!

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека (Изд. 3-е). М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2007. — 528 с.
2. Ассаджиоли Р. Психосинтез. М.: Изд-во Института психотерапии. Серия «Золотой фонд психологии», 2008. — 384 с.
3. Артефакт [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энцикл. — <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 30. 11. 2013).
4. Бауэр Б. Психическое развитие младенца. М.: Прогресс, 1979. — 233 с.
5. Бороденко М.В. Контрзнак // Психологический лексикон. Клиническая психология. Словарь. Ред. Н.Д. Творогова М.: «Per se», 2007. — 415 с.
6. Дейксисы [Электронный ресурс] // Он-лайн энциклопедия Кругосвет. <http://www.krugosvet.ru/> (дата обращения 30. 11. 2013).
7. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т.1. — 487 с.
8. Зинченко В.П. Порождение смысла: монтаж метафор // Культурно-историческая психология. 2007. № 3. — С. 17–30.
9. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянской культуры, 2010. — 920 с.
10. Зинченко В.П. Проект «органической» психологии: от культурно-исторической психологии к культурно-историческому подходу // В кн.: Методология психологии: проблемы и перспективы / Под общ. ред. В.П. Зинченко; науч. ред. Т.Г. Щедрина. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. № 2. — С. 52–71.
11. Карпов А.В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. М.: РАО, 2012. — 476 с.
12. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физическое к психическому. М., 1908. — 308 с.
13. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: РОУ, 1992. — 224 с.
14. Петровский В.А. Личность в психологии. Парадигма субъектности. Ростов-на-Дону, Феникс, 1996. — 272 с.
15. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Логос, 2010. — 559 с.
16. Петровский В.А. Начала персонологии «Я»: существует ли ее предмет? / Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию В.П. Зинченко (глава в коллективной монографии под общ. ред. Т.Г. Щедриной). М., 2011а. — С. 200–215.
17. Петровский В.А. Мысль? — Да! Но существую ли? // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. — С. 12–26.
18. Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2012б. Т. 9, № 1. — С. 21–39.
19. Петровский В.А. Понимание Я: по ту сторону «порочного круга» // Развитие личности. М., 2013. № 1.
20. Порочный круг [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энцикл. — <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 30. 11. 2013).
21. Рутерсвард О. Невозможные фигуры. М.: Стройиздат, 1990. — 130 с.
22. Рябушкина Т.М. Лабиринт идентичностей как современный вариант лабиринта Юма / Проблема «Я»: философские традиции и современность // Под ред. В.Н. Поруца. М.: Альфа-М, 2012. — 351 с.
23. Я // Новейший философский словарь: 3-е изд., испр. Мн.: Книжный Дом, 2003. — 1280 с.

Self: The Configuration of Artifact¹ (Part One)

V.A. Petrovsky

PhD in Psychology, professor at the Department of Psychology of Personality, Faculty of Psychology, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia
petrowskiy@mail.ru

It is for the first time that the self is discussed as an artificial/natural formation ('artifact') of a problem semiotic status. The paper describes two semiotic interpretations of the self. According to the first one, the self reveals certain features of 'sign anomalies'; such are the figures of impossible, signs-sketches (endless regress), signs that substitute what they represent (vicious circles); the paper reviews some forms of personality maladaptation as implications of sign anomalies in the individual's reflections of his/her self. According to the second interpretation, the self is configured by the real signs that constitute the architectonics of the self in its dynamic formation. The paper introduces a concept of a 'sign of the self,' the closest example of which is 'sensation' (the latter is disclosed in terms of self-causality of the matter — material, formal, active and purposeful 'reason of the self'); in this context, a concept of co-sensations is introduced, among which the most important ones are deixes (personal pronouns) that play a significant role in defining the self. 'Signs of the self' together with other semiotic concepts of the self ('signs-indices', 'signs-symbols', 'beyond sign-oriented') comprise the foundation of the self in the diversity of its forms. The paper describes the following four successive forms of the self: Nominal Self ('Self-name'), Phenomenal Self ('My'), Cogital Self ('I myself'), Transgressive Self ('My other self'). These forms constitute the sphere of noumenal (truly existing, absolute) self. The paper also outlines the hypothetical mechanisms underlying the participation of the self in existence — the contours of the 'psychophysics of the self'.

Keywords: self, artifact, sign anomalies, sensation, co-sensation, self-causality, semiotics of self, Nominal Self, Phenomenal Self, Cogital Self, Transgressive Self, Noumenal Self, psychophysics of self.

¹ The author partly preserves the oral form of the plenary talk for the XIV L.S.Vygotsky International Readings "Psychology of consciousness: origins and perspectives" (November 12–16, 2013, L.S. Vygotsky Institute of psychology of Russian University for the Humanities, Moscow, Russia). On the question of artifacts: the talk was cancelled, but the manuscript is published (a note from the author).

References

1. *Asmolov A.G.* Psihologija lichnosti: kul'turno istoricheskoe ponimanie razvitija cheloveka (Izd. 3-e). Moscow, Smysl: Izd. centr "Akademija", 2007. — 528 p.
2. *Assadzioli R.* [Assagioli R.]. Psihosintez. — Moscow, Izd. vo Instituta psihoterapii. Serija "Zolotoj fond psihologii", 2008. — 384 p.
3. Artefakt [Jelektronnyj resurs] Vikipedija: svobodnaja jencikl. — <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrashhenija: 30.11.2013).
4. *Bauer B.* Psihicheskoe razvitie mladenca. Moscow, Progress, 1979. — 233 p.
5. *Borodenko M.V.* Kontrznak Psihologicheskij leksikon. Klinicheskaja psihologija. Slovar'. Red. N.D. Tvorogova, Moscow, "Per se", 2007. — 415 p.
6. Dejksisy [Jelektronnyj resurs] On lajn jenciklopedija Krugosvet. <http://www.krugosvet.ru/> (data obrashhenija 30.11.2013).
7. *Vygotsky L.P.* Instrumental'nyj metod v psihologii. Sobr. soch.: V 6 t. Moscow: Pedagogika, 1982. T. 1. — 487 p.
8. *Zinchenko V.P.* Porozhdenie smysla: montazh metaphor. Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2007. № 3. — P. 17–30.
9. *Zinchenko V.P.* Soznanie i tvorcheskij akt. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2010. — 920 p.
10. *Zinchenko V.P.* Proekt "organicheskoy" psihologii: ot kul'turno istoricheskoy psihologii k kul'turno istoricheskomu podhodu. V kn.: Metodologija psihologii: problemy i perspektivy / Pod obshh. red. V.P. Zinchenko; nauch. red. T.G. Shhedrina. M., St Ptersburg.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2012. № 2. — P. 52–71.
11. *Karpov A.V.* Refleksivnaja determinacija dejatel'nosti i lichnosti. Moscow: RAO, 2012. — 476 p.
12. *Mach E.* Analiz oshhushhenij i odnoshenie fizicheskogo k psihicheskomu. Moscow, 1908. — 308 p.
13. *Petrovsky V.A.* Psihologija neadaptivnoj aktivnosti. Moscow, ROU, 1992. — 224 p.
14. *Petrovsky V.A.* Lichnost' v psihologii. Paradigma subjektnosti. — Rostov na Donu, Feniks, 1996. — 272 p.
15. *Petrovsky V.A.* Chelovek nad situaciej. — Moscow, Logos, 2010. — 559 p.
16. *Petrovsky V.A.* Nachala personologii "Ja": sushhestvuet li ee predmet? / Stil' myshlenija: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya. K 80- letiju V.P. Zinchenko (glava v kollektivnoj monografii pod obshh. red. T.G. Shhedrina). — Moscow, 2011a. — P. 200–215.
17. *Petrovskij V.A.* Myslju? — Da! No sushhestvuju li? (Do I think? — yes! But do I exist?) Kul'turno istoricheskaja psihologija. 2011. № 3. — С. 12–18.
18. *Petrovsky V.A., Starovojtenko E.B.* Nauka lichnosti: chetyre proekta obshhej personologii Psihologija. Zhurnal vyshej shkoly jekonomiki. Moscow, 2012b. T. 9, N 1. — P. 21–39.
19. *Petrovsky V.A.* Ponimanie Ja: po tu storonu "porochnogo kruga" Razvitie lichnosti. M., 2013. № 1.
20. Porochnyj krug [Jelektronnyj resurs] Vikipedija: svobodnaja jencikl. — <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrashhenija: 30.11.2013).
21. *Rutersvard O.* Nevozmozhnye figury. Moscow, Strojizdat, 1990. — 130 p.
22. *Rjabushkina T.M.* Labirint identichnostej kak sovremennyj variant labirinta Juma. / Problema "Ja": filosofskie tradicii i sovremennost' // Pod red. V.N. Porusa. Moscow, Al'fa M., 2012. — 351 p.
23. Ja Novejsnij filosofskij slovar': 3-e izd. ispravl. — Minsk: Knizhnyj Dom, 2003. — 1280 p.

Для цитаты:

Петровский В.А. Я: конфигурации артефакта // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 63–78.

For references

Petrovsky V.A. Self: The Configuration of Artifact. Kul'turno-istoricheskaja psikhologija [Cultural-historical psychology], 2014. no. 1. P. 63–78.